

И.Ю. ПЕШПЕРОВА

Кандидат юридических наук, профессор

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

ПРОЕКТ «ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗОН КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ». ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются итоги исследовательского проекта «Терминологический аппарат и методология исследования зон культурного отчуждения», который проводился коллективом Научного центра исследования зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН. Воспроизводится основная тематика и дается краткое изложение опубликованных работ. Указываются направления исследований: изучение социальной и культурной памяти; культурная травматология; концепция становления национальных культур, как формы невротического вытеснения и подавления; анализ процессов формирования нового ценностного и праксиологического пространства морали; генезис этики с точки зрения интуитивистской логики; стратегии формирования культурной идентичности; историко-философские исследования процессов забвения (маргинализации) и реактуализации на примере идей и конкретных исторических деятелей и мыслителей (вторая схоластика, личность и учение Г.С. Сковороды); «языковая онтология», в частности, формирование смыслового образа русской революции; связь метода маргинализации/реактуализации культурного с контекста с интеркультурной методологией, биографикой и просопографией; разработка метода картографирования культурных трансформаций; реконструкция генетического метода О.Ф. Фрейденберг; граница как ориентационное понятие. Отмечается большой объем проделанной работы, демонстрирующий плодотворность предложенного в рамках проекта терминологического аппарата и методологических установок.

Ключевые слова: культура, процессы, маргинализация, реактуализация, граница, культурная память, вытеснение, травма, невроз, центр, периферия
При поддержке гранта РФФИ (16-03-00442).

I.YU. PESHPEROVA

PhD in Jurisprudence, Professor

North-West Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

THE PROJECT «TERMINOLOGICAL APPARATUS AND METHODOLOGY FOR THE STUDY OF CULTURAL EXCLUSION ZONES», RESULTS OF THE STUDY

The article discusses the results of the research project «Terminological Apparatus and Methodology for Studying Cultural Exclusion Zones», which was conducted by a team of the Scientific Center for Research on Cultural Exclusion and Borderlands of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. The main subject is reproduced and a summary of the published works is given. The directions of research are indicated: the study of social and cultural memory; cultural traumatology; the concept of the formation of national cultures as a form of neurotic repression and repression; analysis of the formation of a new value and praxeological space of morality; genesis of ethics from the point of view of intuitionistic logic; cultural identity strategies; historical and philosophical studies of the processes of oblivion (marginalization) and re-vitalisation on the example of ideas and specific historical figures and thinkers (the second scholasticism, personality and teaching of G. S. Skovoroda); «Language ontology», in particular, the formation of the semantic image of the Russian revolution; the connection of the method of marginalization / reactivation of cultural with the context with intercultural methodology, biography and prosopography; development of a method for mapping cultural transformations; reconstruction of the genetic method of O.F. Freudenberg; border as an orientation concept. There is a large amount of work done, demonstrating the fruitfulness of the terminological apparatus and methodological guidelines proposed in the project.

Keywords: culture, processes, marginalization, reactivation, boundary, cultural memory, repression, trauma, neurosis, center, periphery

By the support of the grant of RFFI (16-03-00442).

Проект «Терминологический аппарат и методология исследования зон культурного отчуждения» проводился при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований коллективом Научного центра исследования зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН [6]. Основная задача исследования состояла в изучении культурной динамики, а именно, процессов и механизмов замены одних элементов культуры (ценностей, смыслов) другими вне зависимости от интенсивности самих изменений (революционные, постепенные...). Причины изменений могут варьироваться: исторические и политические события, географические условия и т. д. В ходе работы на основе использования пространственной метафоры была введена новая терминология, в частности, понятия «зон» или «полей» культурной памяти, «карта культурной трансформации», «зон культурного отчуждения», в которые вытесняются потерявшие актуальность элементы культуры. Подобные вытесненные элементы не востребованы культурой, но они остаются в памяти, как «отжившее прошлое». Консервативность исторической памяти сказывается в том, что отголоски, следы таких вытесненных элементов культуры все

равно остаются в системе актуальной культуры. Историческое измерение культуры «в снятом виде» сохраняет эти отжившие формы культурного опыта. Еще одна особенность социального опыта состоит в демаркации «своего» от «чужого», области культуры от лишённого смысла опыта. Граница такого опыта подвижна и неоднородна. На ней и сохраняется в качестве маргиналий «отживший», «забытый» исторический и культурный опыт.

Необходимо отметить, что и актуальные культурные ценности, т. е. выражающие востребованный, «положительный» исторический и социальный опыт, тоже не статичны. Они требуют постоянного воспроизведения, «переживания заново», демонстрации, ассимиляции к различным обстоятельствам и условиям. Однако «положительная культура» развивается на фоне «своего иного», т. е. отживших социо-культурных форм, отталкивается от них, что и делает «актуальную» культуру «новой».

Участники исследовательского проекта старались проследить механизмы «отчуждения», «деактуализации», маргинализации культурных ценностей и смыслов, а также их возможную реактуализацию. «Неактуальной» может быть не только «вытесненная», «забытая», но и «другая», «чужая» культура, на фоне которой только и опознается культура «своя». При этом вытесненные элементы культуры обнаруживаются в культуре «актуальной» в качестве скрытых смыслов. Ими владеет (улавливает) только носитель культуры, а не прозелит (например, эмигрант). Конечно, культура формируется благодаря системе запретов, задающих норму (общепринятое), которая утверждается частотностью воспроизведения и интенсивностью своего обращения в социальной среде.

Раскрытие пространственных метафор при изучении культурного опыта позволяет описывать пограничные, маргинальные состояния культуры при помощи понятий «центр» и «периферия». Необходимо признать, что в рамках единой культурной системы могут существовать несколько культурных центров. Единство самой системы удерживается посредством общности используемых смыслов. Понятия «центра» и «периферии» лучше показывают значение власти в формировании культурного пространства, поскольку позиция власти – это трансляция смыслов. Власть связана с центром как концентрацией смыслов. Смысл самой власти состоит в обладании смыслом, навязывании смыслов. Культурная периферия в этой ситуации выступает реципиентом, она в большей степени поглощает и воспринимает смыслы, чем их порождает и передает. От власти (центра), соответственно, исходит и выстраивание системы коммуникаций, необходимой для трансляции смыслов. Вместе с этим успех передачи культурного опыта (ценностей, смыслов) зависит от сохранения традиции, т. е. уже существующих и принятых в обществе механизмов создания и восприятия

смыслов. Сама система коммуникации может иметь разные уровни, в зависимости от уровней проявления власти (государство, школа, церковь, армия, семья и т. д.). Во всех своих формах власть означает, в первую очередь, информационное и смысловое доминирование, а не насилие. Культура как система создания, передачи и усвоения смыслов показывает, каким образом происходит саморегуляция культуры. Вне культуры и существующей традиции власть не способна не только выстраивать коммуникативные линии (доминирование), но и породить сами смыслы. Неоднородность культурного пространства, различная интенсивность протекающих в культуре процессов, делает неизбежным различие на центр и периферию, а значит и неизбежность выстраивания властных отношений. Культура не оппонирует власти, а порождает ее. Однако культура живет изменяясь (воспроизводство, модификация смыслов, вариативность смыслов), на что, как правило, не способна власть. Вне властных отношений не может функционировать и сама культура, поскольку она формулирует смыслы, в то время как власть создает систему коммуникации. Культура живет различиями. Фрагментация культурного пространства неизбежна. Она проявляется в наличии центра, периферии, маргинальных (пограничных) форм. Власть лишь усиливает фрагментацию посредством инфильтрации ценностей, заимствования сторонних смыслов, цензуры, разделения культуры на официальную и маргинальную, проводя различия внутри самой культуры, формируя систему приоритетов и т. п.

Однако, как правило, вне поля власти находятся механизмы реактуализации, т. е. возвращения вытесненных и маргинализированных смыслов. При этом необходимо помнить, то буквальная реактуализация, т. е. полноценное возвращение не возможно. Переписывание культуры происходит постоянно, маргинализированные ценности «возвращаются» уже в новую смысловую ситуацию и вынуждены встраиваться и адаптироваться в новой конфигурации культуры. Так происходит творческое развитие культуры. К маргинальным явлениям можно отнести эвфемизмы культуры, замалчиваемые или переименовываемые культурные явления. Марганизация становится неизбежной и при сосуществовании нескольких традиций, вынужденное согласование которых формирует «пограничные типы» культуры. Они проявляются в ситуациях, когда индивиды или даже социальные группы являются носителями нескольких культурных традиций, используют несколько языков (государственный язык, язык образования и науки, бытовой язык). Все это создает феномен неоднозначной идентичности (культурной, религиозной, этнической).

Участники проекта разрабатывали несколько исследовательских направлений. Первое из них – изучение социальной и культурной памяти. В частности, в докладах и статьях Е.А. Маковецкого показано значение

музея не только как проводника различных идеологий, но и как структуры, формирующей культурную память, в том числе используя риторические приемы «фигур умолчания» и «модусов забвения». В качестве примера риторического искусства памяти, лежащего в основе современного музея, рассматривалось произведение одного из представителей второй софистики Филострата Старшего «Картины» [19]. Е.А. Маковецкий выдвинул гипотезу о том, что принципы искусства памяти можно использовать для расширения методологического аппарата исследований культурной памяти. Одно из базовых положений, относящихся к эпистемологии памяти и восходящее к Платону (Гиппий Меньший, 368 d-e, 369 a), состоит в том, что память способна использовать в качестве своего материала в равной мере и действительно существующее и воображаемое. Это не реальность измеряет память, а память, в известном отношении, определяет реальность: действительно то, что является предметом индивидуальных воспоминаний или коммеморации. Именно эта платоновская интуиция относительно памяти используется в качестве базовой в искусстве памяти, которое состоит в умении помещать и извлекать образы памяти (не важно – реальные или воображаемые) в места памяти (не важно – в реальные или в воображаемые). Указанная дуальность (действительное-воображаемое) может способствовать освобождению исследований культурной памяти от политической ангажированности. Если, исследуя культурную память, мы с самого начала имеем в виду, что памяти подвластно превращение действительного в мнимое и наоборот, то не имеет никакого смысла партийная принадлежность тех или иных коммемораций, ведь статус любых воспоминаний двойственен. В ряде публикаций Е.А. Маковецкий предпринял попытку реактуализировать наследие патролога Г. И. Недетовского (псевдоним О. Забытый) (1846-1922) [4; 5].

Следующее направление – культурная травматология, восходящая к психоаналитическим работам З. Фрейда и Ж. Лакана. Обращение к проблематике травмы в современных социогуманитарных исследованиях становится все более распространенной практикой. В западной традиции за данным направлением закрепилось название «trauma studies», в отечественной же литературе это поле исследования лишь начинает набирать популярность и зачастую даже название «trauma studies» остается без перевода. Само понятие травмы, привнесенное из психоаналитического дискурса в социальные науки, отсылает к исследованиям посттравматического синдрома. Социально-историческая аналитика, таким образом, становится оснащенной целым арсеналом новых понятий, теоретических ходов и описательных схем, которые позволяют работать с тем пластом социального опыта, который представлялся в иных, например, прогрессистских моделях, в лучшем случае периферийным. Если в конце XX в. одной из базо-

вых, хоть и постоянно подвергаемых критике, парадигм современности, была парадигма конца истории, то сейчас можно говорить о том, что на ее место постепенно заступает оптика исторической травмы. Настоящее распространение *trauma studies* получают лишь в конце XX в., и, в определенном смысле, сами представляют собой не только внешнюю рефлексию, но и процесс проработки травмы. Появление теории исторической травмы, с одной стороны, отвечало тому новому опыту, который оказывался связан не только лишь с войнами, но также высвечивал и иные социальные феномены в качестве именно травматичных: терроризм, дискриминация, расизм, рабство и т. д., а, с другой стороны, позволяло понять возвращение к более старой, казалось бы, постепенно отходящей в прошлое, травме Второй мировой войны, объяснить ту обострившуюся чувствительность к данным событиям именно сейчас. В статьях Н.А. Артёменко дается обоснование термина «травма» [1; 16]. Под травмой можно понимать однократное событие, которое действительно произошло и которое фундаментально изменило жизнь общества, поменяло представление людей о себе и очень сильно изменило потенциальное будущее этих людей. Под травмой можно также понимать некоторый процесс, который начал разворачиваться после катастрофического события и продолжается до сих пор. Исходя из того, что есть разные возможности смотреть на травму, можно понимать ее и как некоторую ситуацию утраты, когда люди понимают, что они чего-то лишились, и пытаются найти или восстановить это лишенное настоящим. В то же время травму можно понимать как сюжет, когда мы понимаем, что что-то произошло, и пытаемся об этом рассказывать разными способами в разных жанрах, используя одни и те же или очень близкие образы. Либо под травмой можно понимать то, что называется *консолидирующим событием*, — то, что создает нас. Мы все, независимо от специфики национальной истории, существуем в *пост-катастрофическом* времени и несем на себе груз ответственности за прошлые, но так до конца и не осмысленные ужасы. Глубинное переживание катастрофического события, распад всех привычных человеческих взаимосвязей, подготавливает переход к *каталептическому сознанию*, практикующему забвение и формирующему определенного субъекта — *пост-травматического субъекта*, субъекта времени-после, который оказывается распят между постоянно длящейся болью (то, что не перестает создавать боль, остается в памяти) и силой забвения, как механизма защиты.

А.И. Бродский предложил рассматривать традицию, лежащую в основе становления национальных культур, как своеобразную форму невротического вытеснения и подавления [3]. Основа всякого невроза — выходящей за рамки биологической целесообразности инертности нервных процессов, заключающихся в концентрации раздражения в одном из участков коры

полушарий головного мозга и торможении раздражения по периферии. Психологическим выражением этой инертности являются так называемые навязчивые состояния. Семантика навязчивых состояний может быть описана с помощью «вероятностных моделей» языка В.В. Налимова. Каждый языковой знак вероятностно-статистическим образом связан с множеством его смысловых значений, образующих априорную функцию распределения смысла. Речевой акт в конкретном контексте актуализирует одно из этих смысловых значений и подавляет другие. Нарушения возникают тогда, когда какое-то смысловое значение жестко фиксируется и не меняется в зависимости от изменения контекста. Те же процессы имеют место при формировании традиций. Традиция – это то, что обеспечивает единство и преемственность смысловых значений знаков в рамках каждой национальной культуры. Таким образом, та или иная культура сохраняется настолько, насколько в постоянно меняющихся ситуациях не меняются смысловые значения знаков, из которых она состоит. И, напротив, изменение культуры (разрушение традиции) есть адекватная изменению ситуации перестройка априорных функций распределения смысловых значений её знаков. Следовательно, в основе культурного богатства и разнообразия человечества лежит патологическая, т. е. выходящая за рамки биологической целесообразности, инертность нервно-психических процессов.

В качестве примера исторического пограничья в культуре России, анализировались процессы отчуждения, замещения элементов этического и формирования нового ценностного и праксиологического пространства морали. Моральное сознание представляется наиболее значимой рефлексией исторических процессов и трансформаций, этим обстоятельством объясняется направление интереса к проблеме вытеснения, замены одних моральных понятий другими, изменение их ценностного и императивного поля. Благодаря методологическому подходу, сформировавшемуся в рамках исследовательского проекта зон культурного отчуждения и пограничья, стал возможен новый взгляд на проблему структурирования морального сознания, процессы вытеснения и замещения, забвения и реактуализации моральных понятий, выявления социокультурных факторов, оказывающих влияние на моральное сознание и этическую теорию. Так в статье Е.А. Овчинниковой «Этика и идеология в русской культуре на протяжении XVIII и XIX веков» прослеживается история этики как науки в русской культуре XVIII и XIX вв., рассматривается влияние идеологии на судьбу этики как науки и как учебной дисциплины, которое привело к «вытеснению» этики из академической среды [21]. Этот процесс имел во многом неожиданные последствия для русской культуры. К середине XIX в. этическая мысль, лишенная кафедральной, университетской формы своего выражения, проявляется в литературно-философских текстах, публи-

цистике, которая задает этической мысли социально-политическую направленность. Вне академической, университетской среды, русская мысль формирует особое этическое культурное пространство в художественной литературе, критике и публицистике, мировоззренческом дискурсе ученых естествоиспытателей. Результатом «вытеснения» академической этики явилось формирование особого «дисциплинарного пространства» этического в русской культуре и этического языка художественного текста. Это позволяет говорить об особых формах этической рефлексии в русской культуре XIX в. Вытеснение этики из академической традиции имело для культуры двойные последствия: с одной стороны, можно наблюдать феномен морализаторства и ужесточения моральной нормативности, охватывающей все сферы жизнедеятельности общества и личности, с другой – вытеснение этической рефлексии из академической среды, оборачивалось этизацией художественной культуры. «Вытеснение» этики из университетской науки способствовало формированию особого «панморализма» русской мысли и русской культуры в целом.

В статье А.И. Бродского «О возможности конструктивистского обоснования этики» [17] этика рассматривается как определенная конструктивная процедура, логической основой которой является так называемая «интуиционистская логика». Обоснованность той или иной этической нормы зависит от ее выполнимости, т. е. во-первых, от физической возможности совершить данное действие и, во-вторых, от способности или неспособности данного действия прийти в противоречие с другими моральными нормами. И первое, и второе зависит от социокультурного контекста. Невыполнимые в данной культуре этические нормы вытесняются в «зоны культурного отчуждения», но могут актуализироваться в результате тех или иных изменений в культуре.

Роль общественной морали в формировании зон культурного пограничья анализировалась в статье Е.А. Овчинниковой и Т.Ю. Барташевич «Интегративный потенциал общественной морали в ситуации вариативных нравственных стереотипов культурного пограничья» [2]. Авторы выделяют две основные стратегии формирования культурной идентичности: «интолерантная» модель восприятия социокультурной реальности и модель, в рамках которой можно говорить о терпимом восприятии отличной социокультурной реальности. Интегративный потенциал общественной морали делает возможным переход от стратегии формирования идентичности по линии «Я-Другой-Чужой-Враг» к стратегии «Я-Иной-Другой».

Еще одним примером продуктивного использования методологии изучения зон культурного пограничья может служить статья Е.А. Овчинниковой и И. В. Шугалей «Нравственно-культурный потенциал в сохранении лесных богатств России» [13], в которой рассматриваются вопросы форми-

рования отношения к лесному богатству России и возможности оптимизации использования лесных ресурсов через потенциал русской культуры и истории заповедного дела в России. Заповедники рассматриваются как зона культурного/природного пограничья. В статье анализируются русские традиции заповедного дела, обосновывается их реактуализация и востребованность в экологических программах, формировании нравственных ориентиров экологической культуры современной России.

В рамках проекта был проведен ряд исследований историко-философского характера, в которых разбирались исторические примеры процессов забвения (маргинализации) и реактуализации идей и конкретных исторических деятелей и мыслителей. Так А.И. Бродский в статье «Логические уроки для России. Вторая схоластика в России и Украине» [18] показал, что философия, которая преподавалась в православных школах на территории Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII в., а затем стала идейной основой движения «латинствующих» в Москве, может быть отнесена к так называемой второй схоластике. Особенность второй схоластики – это отрицание предопределения в богословии, использование вероятностных подходов в логике и этике, противостояние абсолютизму в политике. Эти черты сделали вторую схоластику неприемлемой для возникавших в Европе абсолютных монархий, в том числе и для Российской империи, которые идеологически опирались на универсальный рационализм раннего Просвещения. И в западной Европе, и в России вторая схоластика стала «зоной культурного отчуждения». Однако господство второй схоластики в православных школах Речи Посполитой совпало по времени со становлением культурного своеобразия Украины и во многих отношениях определило характерные черты украинского менталитета. Своеобразной «пограничной» фигурой в истории русской и украинской культуры и философии является Г.С. Сковорода, судьба идей которого дает яркие примеры как маргинализации, так и реактуализации [20].

Столетний юбилей русской революции послужил поводом для осмысления этого исторического явления со стороны «языковой онтологии», т. е. практик формирования смыслового образа самой революции, который затем воплощался реальности [9; 10; 23]. Осмысление революции в России началось за столетие до самой русской революции 1917 г. И хотя рассуждения о причинах, ходе и значении революции были результатом рефлексии над Великой французской революцией 1789 г. и ее последствиями, но они непосредственно проецировались на русскую историю и действительность. Революцию в России предвидели, ожидали и даже подготавливали. Причины и смысл революции можно проследить на примере взглядов как русских мыслителей XIX в. (С.С. Уваров, К.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев), так и современников революции (П.Г. Виноградов, П.А. Сорокин). Интерпре-

тация русской революции исходила из линейной модели исторического процесса, заложенной христианским мировоззрением. Не случайно библейские идеи мессианизма и эсхатологизма нашли отражение как в марксистском, так и в религиозно-философском понимании русской революции.

Метод реактуализации/маргинализации [22] философского контента может плодотворно использоваться в историко-философских исследованиях в совокупности с такими «новыми» методами, как историко-философская реконструкция, интеркультурная методология (философия полилога) [11], биографика и методы просопографии. Каждый из этих методов занимает свое место в исследовательской практике, обладает эвристичностью для истории русской философии и важен для наращивания историко-философского знания. Актуальность применения «новых методов» состоит в том, что в целом завершился период переиздания основных текстов русских мыслителей. Современные историко-философские исследования активнее обращаются к архивам и стараются ввести в научный оборот «маргинальные», незавершенные тексты, тексты с не устоявшимися значениями. Значительно увеличился за последние три десятилетия и объем историографической литературы, обогатившей русскую философию разнообразием интерпретационных схем. Использование «новых методов» дает возможность пересмотреть существующие модели истории русской философии, отказаться от взгляда на русскую философию как череду влияний и заимствований; предложить новую периодизацию истории русской философии. В частности, «коллективная биография» раскрывает динамическую сторону истории науки, пути формирования научных школ, межпоколенческих связей, влияние внефилософского контекста на работу ученого и др. Биографика воссоздает «типичный путь» ученого и «нормальный образ» науки для конкретной области знания, опираясь как на качественные, так и на количественные характеристики. Значение «новых» методов для русской философии состоит в расширении верифицируемого историко-философского знания, выявлении актуального содержания русской философии, которое может быть востребовано современной философией; формировании более объемного представления об историко-философском процессе: не только о персоналиях, но и поколениях, школах и т. п.; не только интерпретация идей, но и экспликация контекста (исторического, биографического, социального, культурного) [12].

В рамках проекта был разработан метод картографирования культурных трансформаций, который возможно использовать при изучении зон культурного отчуждения и процессов, возникающих при «сломах» культурных парадигм (актуализация – деактуализация – реактуализация). Он позволяет работать с конкретными фактическими данными, выстраивая их

в «карту культурных трансформаций». Благодаря картографированию, внешне похожему на табулирование, появляется возможность наглядно представить критерии трансформаций при смене культурных парадигм. На материале трансформаций рекламного плаката в начале XX в. было продемонстрировано, как метод может быть применен, а формирование и развитие российского рекламного плаката было представлено как развитие стилистических тенденций (парадигм), укладываемых в схему актуализация – деактуализация – реактуализация и являющихся свидетельством смены культурных парадигм. Кроме того, был описан ряд процедур, используемых в рамках метода картографирования: определение периодов, в границах которых проводится исследование («доавангардный», «авангардный», «поставангардный»), отбор материала и его анализ, введение определенных критериев сравнения этапов (парадигм), табулирование результатов. Вместе с тем, сразу были отмечены проблемные моменты, которые необходимо иметь в виду при использовании метода картографирования культурных трансформаций [14].

Другим подходом, который был описан в рамках проекта, стал генетический метод, который фактически восстановлен по текстам О.М. Фрейденберг, не публиковавшимся при ее жизни. В ходе исследования были раскрыты основные понятия, определяющие генетический метод, такие как «генетическое тождество», «факт», «фактор», «генетический анализ» и др., дана характеристика вклада других исследователей в становление генетического метода О.М. Фрейденберг, разобраны исследовательские процедуры, составляющие основу генетического метода, описана возможность его использования для исследования зон культурного отчуждения и пограничья [15].

Работа над проектом позволила раскрыть методологическое значение понятия «границы» для познания социо-культурной реальности. Плодотворное использование понятия «границы» применяется при исследовании пространственного, временного, ценностного и экзистенциально-психологического измерений культуры. Пространственная интерпретация границы содержательно раскрывается при анализе социально-политической реальности, так, например, граница государства представляет собой подвижный фронт, пульсирующий «вокруг» центра (столицы). Культурологическому истолкованию поддаются такие «административные единицы» как край и область, презентующие региональные культуры и диалектически проводящие границы (центр vs провинция) внутри более крупного цивилизационного целого. Социальная разметка культуры предполагает деление общества на страты, классы, касты, сословия, состояния. Временное истолкование границы выступает условием необратимости процессов, дискретности времени. Ценностное измерение границы отража-

ется в понятиях формы, нормы и канона. Экзистенциально-психологическое значение границы проявляется не столько в «нормальных», сколько в «предельных», «переходных» и даже «измененных» состояниях сознания. Однако следует признать, что «граница» не является универсалией, т. е. общим понятием, а понятием ориентационным, позволяющим мыслить отношения, а не сущности. Граница помогает человеку осознавать свою посюсторонность, создает иллюзию смысла и в этом отношении ее можно считать мифологической конструкцией [7].

Результаты исследований апробировались в ходе ежегодных международных научно-теоретических конференций «Механизмы формирования зон культурного отчуждения». В конференциях приняли участие ученые из России, Беларуси, Украины, Германии, Италии, Польши, Венгрии, Сербии, Великобритании, Австрии, Израйля, Хорватии, США, Финляндии. В рамках конференции проходили круглые столы, коллоквиумы, семинары и мастер-классы. Тематика конференции была очень разнообразной, но в целом укладывалась в основные направления исследований в рамках проекта [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёменко Н.А. Каталептическое сознание. Язык как фигура молчания // *Studia Culturae*. 2017. Вып. 31. С. 22–32.
2. Барташевич Т.Ю., Овчинникова Е.А. Интегративный потенциал общественной морали в ситуации вариативных нравственных стереотипов культурного пограничья // *Studia Culturae*. 2017. Вып. 2 (32). С. 119–126.
3. Бродский А.И. Анатомия традиции. Физиологические и семиотические основания вытеснения и актуализации в культуре // *Studia Culturae*. 2016. № 30. С. 18–29.
4. Маковецкий Е.А. Пореформенная Россия в судьбе Г.И. Недетовского // *Материалы международной философской конференции «Русский логос: горизонты осмысления»*, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. в 2-х тт. Т. 1. СПб.: «Интерсоцис», Издательство РХГА, 2017. С. 151–155.
5. Маковецкий Е.А. «Варлаамитская Ересь» и «Миражи» Григория Ивановича Недетовского // *Христианское чтение*. 2018. № 1. С. 158–170.
6. Малинов А.В. Научный центр исследования зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН // *Петербургская социология сегодня*. Вып. 7. СПб., 2016. С. 431–434.
7. Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Граница и метод // *Studia culturae*. 2016. Вып. 2 (32). С. 111–118.
8. Малинов А.В. Третья международная научная конференция «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья – 2016» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 203–207.
9. Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Революция до революции // *Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: российская революция 1917 года глазами российских и китайских ученых*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 294 - 302;
10. Малинов А.В. Пешперова И.Ю. Историософия границы: революция в свете русской философии // *Философия русской революции. Коллективная монография*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 48–64.
11. Малинов А.В. Философия полилога // *Философский полилог*. 2017. № 1. С. 7–11.

12. Малинов А.В. О «новых методах» изучения русской философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. № 1.
13. Овчинникова Е.А., Шуталей И.В. Нравственно-культурный потенциал в сохранении лесных богатств России // Экологическая химия. 2018. № 27(3). С. 166–170.
14. Троицкий С.А., Гуляева Н.Л. Метод картографирования культурных трансформаций // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 4. С. 482–488.
15. Троицкий С.А. Генетический метод О.М. Фрейденаберг в исследовании культуры // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 4 (25) – Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Выпуск 23. М., 2017. С. 39–60.
16. Artemenko N.A. Cataleptic Consciousness. Language as a Figure of Silence // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 136–149.
17. Brodsky A.I. On the possibility of constructivist substantiation of ethics // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2017. Vienna, Austria, 28–31 March 2017. Book 2: Ancience Science. Volum 1: Archaeology, History & Philosophy. Conference proceedings. P. 307–314.
18. Brodsky A.I. Logic Lessons for Russia. The second scholasticism in Russia and Ukraine // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 20–32.
19. Makovetsky E.A., Driker A.S. Elements of the Art of Memory in The Imagines of the Elder Philostratus // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2017. Vienna, Austria, 28–31 March 2017. Book 2: Ancience Science. Volum 1: Archaeology, History & Philosophy. Conference proceedings, Vienna, 2017. С. 245–252.
20. Malinov A. Discourse of Nature in Gregory Skovoroda's Teaching // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 33–48.
21. Ovchinnikova E. Ethics and Ideology in Russian Culture during the 18 th and 19 th centuries // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 49–68.
22. Troitskiy S. The Problem of Terminological Precision in Studies on Cultural Exclusion Zones // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 165–180.
23. Малинов А.В., Пешперова И.Ю. 边界历史哲学：革命中的俄国哲学之光 (Философия границы в свете русской философии) //中俄战略伙伴对话：中俄学者眼中的十月革命 (Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: Октябрьская революция глазами китайских и российских ученых). 北京 (Пекин), 2017. С. 284–292. на кит. яз.

TRANSLIT

1. Artyomenko N.A. Kataleptickoe soznanie. Yazyk kak figura moshchaniya // Studia Culturae. 2017. Vyp. 31. S. 22–32.
2. Bartashevich T. Yu., Ovchinnikova E.A. Integrativnyj potencial obshchestvennoj morali v situacii variativnyh нравstvennyh stereotipov kul'turnogo pogranič'ya // Studia Culturae. 2017. Vyp. 2 (32). S. 119–126.
3. Brodskij A.I. Anatomiya tradicii. Fiziologičeskie i semiotičeskie osnovaniya vytesneniya i aktualizacii v kul'ture // Studia Culturae. 2016. № 30. S. 18–29.
4. Makoveckij E.A. Poreformennaya Rossiya v sud'be G.I. Nedetovskogo // Materialy mezhdunarodnoj filosofskoj konferencii «Russkij logos: gorizonty osmysleniya», Sankt-Peterburg, 25–28 sentyabrya 2017 g. v 2-h tt. T. 1. SPb.: «Intersocis», Izdatel'stvo RHGA, 2017. S. 151–155.
5. Makoveckij E.A. «Varlaamitskaya Eres» i «Mirazhi» Grigoriya Ivanoviča Nedetovskogo // Hristianskoe chtenie. 2018. № 1. S. 158–170.
6. Malinov A.V. Nauchnyj centr issledovaniya zon kul'turnogo otchuzhdeniya i pogranič'ya Sociologičeskogo instituta RAN // Peterburgskaya sociologiya segodnya. Vyp. 7. SPb., 2016. S. 431–434.
7. Malinov A.V., Peshperova I.Yu. Granica i metod // Studia culturae. 2016. Vyp. 2 (32). S. 111–118.

8. Malinov A.V. Tret'ya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Mekhanizmy formirovaniya zon kul'turnogo otchuzhdeniya i pogranič'ya – 2016» // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. T. XIX. № 4 (87). S. 203–207.
9. Malinov A.V., Peshperova I.Yu. Revolyuciya do revolyucii // Strategičeskij partnerskij dialog mezhdru Rossiej i Kitaem: rossijskaya revolyuciya 1917 goda glazami rossijskih i kitajskih učenyh. SPb: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2017. S. 294 - 302;
10. Malinov A.V. Peshperova I.Yu. Istoriosofiya granicy: revolyuciya v svete ruskoj filosofii // Filosofiya ruskoj revolyucii. Kollektivnaya monografiya. SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2017. S. 48–64.
11. Malinov A.V. Filosofiya poliloga // Filosofskij polilog. 2017. № 1. S. 7–11.
12. Malinov A.V. O «novyh metodah» izučeniya ruskoj filosofii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2019. № 1.
13. Ovchinnikova E.A., Shugalej I.V. Nravstvenno-kul'turnyj potencial v sohraneniі lesnyh bogatstv Rossii // EĤkologičeskaya himiya. 2018. № 27(3). S. 166–170.
14. Troickij S.A., Gulyaeva N.L. Metod kartografirovaniya kul'turnyh transformacij // Observatoriya kul'tury. 2017. T. 14. № 4. S. 482–488.
15. Troickij S.A. Genetičeskij metod O.M. Frejdenberg v issledovanii kul'tury // Vestnik RGGU. Seriya «Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». № 4 (25) – Arbor Mundi. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury. Vypusk 23. M., 2017. S. 39–60.
16. Artemenko N.A. *Cataleptic Consciousness. Language as a Figure of Silence* // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 136–149.
17. Brodsky A.I. On the possibility of constructivist substantiation of ethics // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2017. Vienna, Austria, 28–31 March 2017. Book 2: Ancience Science. Volum 1: Archaeology, History & Philosophy. Conference proceedings. P. 307–314.
18. Brodsky A.I. Logic Lessons for Russia. The second scholasticism in Russia and Ukraine // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 20–32.
19. Makovetsky E.A., Driker A.S. Elements of the Art of Memory in The Imagines of the Elder Philostratus // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2017. Vienna, Austria, 28–31 March 2017. Book 2: Ancience Science. Volum 1: Archaeology, History & Philosophy. Conference proceedings, Vienna, 2017. C. 245–252.
20. Malinov A. Discourse of Nature in Gregory Skovoroda's Teaching // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 33–48.
21. Ovchinnikova E. Ethics and Ideology in Russian Culture during the 18 th and 19 th centuries // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 49–68.
22. Troitskiy S. The Problem of Terminological Precision in Studies on Cultural Exclusion Zones // Rivista di estetica. 2018. № 1(67). P. 165–180.
23. Malinov A.V., Peshperova I.Yu. Filosofiya granicy v svete ruskoj filosofii // Strategičeskij partnerskij dialog mezhdru Rossiej i Kitaem: Oktyabr'skaya revolyuciya glazami kitajskih i rossijskih učenyh. Pekin, 2017. S. 284–292. na kitajskom yazyke.